

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929Хализев

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-103-108

ВАЛЕНТИН ЕВГЕНЬЕВИЧ ХАЛИЗЕВ – ТЕОРЕТИК, УЧИТЕЛЬ-НАСТАВНИК

Щедрина Н.М.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

VALENTIN EVGENIEVICH KHALIZEV – THEORETICIAN, TEACHER MENTOR

Shchedrina N.M.

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

В настоящее время едва ли можно найти филолога, будь он студентом или преподавателем, который бы мог обойтись без вузовского учебника по теории литературы, принадлежащего заслуженному профессору Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, лауреату Ломоносовской премии, Валентину Евгеньевичу Хализеву (1930–2016). Вся научная и педагогическая деятельность профессора Хализева связана с МГУ. У него учились студенты более пятидесяти выпусков филологического факультета, ставшие затем ведущими теоретиками нашей страны, работающими во многих вузах России и Зарубежья.

XIII Поспеловские чтения 2017 г., проходившие на кафедре теории литературы филологического факультета МГУ в день рождения М.М. Бахтина, были посвящены памяти В.Е. Хализева. Главная тема форума, обсуждаемая в пяти секциях 110 заявленными участниками, – «Аксиологические проблемы в художественной литературе» – связана с ценностными ориентирами при анализе художественного произведения, которые выдвигал В.Е. Хализев. Не только выступавшие на пленарном заседании, но и 23 докладчика секции под номером один вели разговор о методологии аксиологического подхода в работах Хализева, а также о его роли «в развороте» отечественной науки о литературе к поэтике, принадлежности учёного к «внеаправленческому литературоведению».

Коллеги и ученики к началу конференции выпустили сборник «Труды и дни» [4] с предисловием профессоров кафедры теории О.А. Клинга и Л.В. Чернец. Первая часть книги включает тексты В.Е. Хализева – от теоретических размышлений об искусстве мизансцены до откровений «из прошлого нашей семьи». Во

© Щедрина Н.М., 2018.

вторую часть вошли воспоминания известных учёных, как российских – В.И. Коровина, Е.Г. Рудневой и др., так и зарубежных – Д.М. Урнова (США, Калифорния), М.Н. Эпштейна (США, Атланта, университет Эмори) и др. Эту часть дополняют письма Хализева к известному профессору, доктору филологических наук из Санкт-Петербурга Б.Ф. Егорову и к профессору, доктору филологических наук Российского государственного гуманитарного университета В.И. Тюпе. В этих письмах, казалось бы очень личных, проступает великое уважение Валентина Евгеньевича к «полумирающей деревне» 1960-х гг., которая, по его словам, тем не менее несёт «неистребимый свет». Теоретик испытывал великую благодарность к В. Астафьеву, В. Белову, В. Распутину, интересны его суждения и о духовных писателях Родионе Путятине, Вал. Свенцицком.

Профессор МПГУ В.И. Коровин, дружба Хализева с которым началась ещё в школьные годы, пишет о Валентине Евгеньевиче: «...во всём его облике была какая-то неподдельная искренность, здравость ума и чувства, неколебимая честность».

В третью часть книги «Труды и дни» вошли статьи учеников, членов кафедры и тех, кто дорожил дружбой с Хализевым. Рамки настоящего обзора не позволяют представить их в полной мере. Всех авторов объединяет любовь и глубокое уважение к личности учёного и педагога.

Выдвинутые концепции Хализева-теоретика широко используются при анализе теоретических проблем в литературоведении. Моё отношение к ним складывалось в 1970–1980-е гг., когда я, будучи аспиранткой и доктор-

анткой МГУ, имела возможность присутствовать на его семинарах, лекциях. Помню, как на научной конференции в МГУ Валентина Евгеньевича заинтересовал мой доклад о карнавализации в литературе (использовала методологию М. Бахтина), он попросил прислать ему текст (электронной почты тогда не было, выслала обычной), позже состоялся разговор двух заинтересованных людей – на равных.

Впоследствии я много раз обращалась к исследованиям учёного, особенно в период работы над многотомной эпопеей А. Солженицына «Красное Колесо», когда необходимо было очертить круг произведений, в которых другие писатели рассматривали проблемы, близкие Солженицыну. Для участия в XIII Поспеловских чтениях мною был подготовлен доклад «Концепция “ближайших” и “удалённых” контекстов В.Е. Хализева в литературоведческой практике». В своей теории Хализев [5, с. 291] выделял «ближайшие» и «удалённые» контексты. «Ближайшими» он считал «наиболее конкретные и могущие быть более или менее чётко констатированными» – это и творческая история произведения, запечатлённая в черновиках и предварительных вариантах, и биография автора, и свойства его личности, и его окружение (семейно-родственная, дружеская, профессиональная «микросреда»).

«Удалёнными» [контекстами] называл более общие и часто не обладающие определённой конкретностью. В них он включал явления «социально-культурной жизни современности автора». Типологизируя контексты, В.Е. Хализев подчёркивал их значимость.

Методология учёного применима, на мой взгляд, и к «Красному Колесу»

А.И. Солженицына. Но выбор контекста зависит от ориентиров исследователя, и не все с таким подходом согласны. Существует мнение, что «изучать Солженицына трудно... эта фигура русской литературы XX столетия предстаёт вне контекста равновеликих и равновесных явлений» [1]. А те, кто рассматривают эпопею в контекстном поле, место «Красному Колесу» определяют среди произведений В. Набокова, М. Булгакова, Ю. Тынянова, Б. Пастернака, проводя параллели как с творениями русской классической литературы: «Мёртвыми душами» Гоголя, произведениями Лермонтова, «Войной и миром» и «Анной Карениной» Л. Толстого, так и с произведениями XX в.: «Доктором Живаго» Пастернака, «Белой гвардией» Булгакова, рассказами Бабея и Зощенко, стихами Гумилёва, Волошина [2].

Особенно продуктивным, по моему мнению, видится соотнесение «Красного Колеса» с исторической прозой тех авторов, которые обращались во второй половине XX столетия к русской истории, если принимать во внимание хронологические рамки непосредственной работы писателя над романом. Такой попытки анализа не было предпринято в литературоведении, а между тем подобный подход способствует выявлению значимости книги А. Солженицына в литературном процессе, хотя автор «Красного Колеса» едва ли был бы согласен с таким контекстом. По словам В.Е. Хализева, самому писателю, безотносительно к Солженицыну, многоплановость контекста не всегда внятна [5, с. 295], но она, безусловно, важна для учёных.

Ещё М. Бахтину в своё время удалось разъяснить парадокс, почему ав-

тор понимает смысл своего произведения более узко, чем читатели-потомки. Автор не подозревает о тех глубинных связях, ассоциациях, которые созданы задолго до него традицией, тем более он не может предугадать новый культурный контекст, в котором будет восприниматься его творчество. Но М. Бахтин говорил и об опасности расширительного толкования контекста и неадекватной оценки сочинения. Избирательное отношение к контексту требует такта, чутья, вкуса. С другой стороны, полнота контекста ограждает от фетишизации отдельных произведений, оценивающихся как некие шедевры. Контекст помогает выявить потенциальное значение и «надтекстовые» связи. Позиции М.М. Бахтина разделял и В.Е. Хализев.

В обрисовке концептуальной картины развития русской истории представляются идейно и тематически связанными с «Красным Колесом» романы писателей русского зарубежья: М. Алданова – «Истоки» (1946), «Самоубийство» (1957); В. Максимова – «Заглянуть в бездну» (1990). В один ряд с ними выстраиваются произведения, вышедшие в СССР: цикл Д. Балашова «Государи Московские», включающий 10 романов, созданных в период с 1975-го по 2000 г.; роман Ю. Трифонова «Нетерпение» (1973), произведения Ю. Давыдова, написанные с 1970-го по 2001 г. Писателей советского времени объединяет альтернативный утверждённому идеологией взгляд на историческое движение России.

Определив круг произведений, составивших контекст «Красного Колеса», воспользовавшись методологией В.Е. Хализева, делим их по отношению к эпопее А. Солженицына на

«удалённые» и «ближайшие». К «удалённым» контекстам относятся произведения Д. Балашова, Д. Мережковского, В. Астафьева. Из них ближе всех к автору «Красного Колеса» Балашов и Астафьев.

«Удалённые» контексты базируются на принципе сравнительно-типологических связей и позволяют выявить общее поле взаимодействия историко-софских взглядов писателей.

В цикле романов «Государи Московские» Д. Балашов стремится к объективному изображению прошлого, как и Солженицын, его точку зрения «формирует» субъективное видение, которое связано с теорией пассионарности Л.Н. Гумилёва. Оба писателя разрушали миф о вековой неблагоустроенности России и её мужика. Особенно это ощутимо в «Августе Четырнадцатого». Крепким быт изображён и в «Октябре ...», когда, по словам Солженицына, Россия дана как «ещё красивая, богатая, мощная страна» [3].

В разговоре об «удалённом» контексте необходимо обратиться к феномену В. Астафьева, художника во многом близкого к А. Солженицыну своим отношением к России, которой он терзался до последних дней, как и автор «Красного Колеса». Астафьев и Солженицын отличаются от других трагизмом судьбы, и использованием в произведениях личного опыта, и некоторыми художественными приёмами. Но главное – любовь к отчизне.

Наброски неоконченной статьи «Беглецам из Семьи» А. Солженицын посвятил судьбе России. «Семьёй» (с заглавной буквы) он называл Отечество, «беглецами» – тех, кто отступил от заветов и традиций предков, право-

славной веры, от свободного и богатого русского языка.

В «ближайший» контекст «Красного Колеса» входят произведения русских эмигрантов, недоступные для русского читателя в годы изгнания Солженицына. Возвращение их в Россию совпало с публикацией солженицынских романов. Писатели разных «волн» русского зарубежья обращались к историческим периодам и личностям, как и Солженицын. Это касается Марка Алданова. По мнению и Алданова, и Солженицына всякая революция по самой своей природе ужасна, и другой быть не может, прообраз октябрьского переворота оба писателя искали в прошлом, истоки национальной трагедии связывали с деятельностью террористов-народников, подготовивших благодатную почву насилия и нетерпения, на которой впоследствии и пророс марксизм.

Есть общее между А. Солженицыным и В. Максимовым в трактовке событий революции и гражданской войны. Оба полагали, что русский народ, не будучи скованным окаменелыми формами жизни, обладая свободой духа для выполнения великих задач грядущего, начнёт осуществлять свою Богом предначертанную миссию.

Ближе всего по контексту к «Красному Колесу» произведения писателей советского времени Ю. Трифонова и Ю. Давыдова. Трифонов и Солженицын писали об опасности субъективного, самовольного в истории. Трифонов осмысливал проблему на примерах народовольчества и репрессий. В подходе к террористическому Давыдова, Трифонова важным моментом является философия предательства, фальсификации истины и её поиск, выраженные психологически объёмно.

Автор «Красного Колеса» заговорил в литературе XX в. о народовольчестве одним из первых, когда оно не было ещё доступно в полной мере и разработано историками. Солженицын раскрыл малоизвестные факты в самом движении, в судьбах отдельных личностей и выразил своё отношение к лидерам, их нравственным и этическим нормам и поступкам. Речь шла об ответственности перед историей – и тех, кто участвует в террористических актах, и тех, кто на них провоцирует, а затем их же и выдаёт.

В сравнении с Трифоновым и Давыдовым взгляд Солженицына устремлён к последующим этапам революционной борьбы. Он связал народовольчество с терроризмом и с большевизмом, раскрыл их общие истоки, цели, меры воздействия на окружающих, показал, к чему этот путь привёл Россию в настоящем, вывел народовольчество на уровень историософских рассуждений и обобщений.

Итак, феноменальность «Красного Колеса» становится очевидной, когда выходишь на уровень контекстного прочтения эпопеи, рассматриваешь её в

ряду с другими произведениями Д. Балашова, В. Астафьева, М. Алданова, В. Максимова, Ю. Трифонова, Ю. Давыдова. Профессор В.Е. Хализев считал, что «чем шире и полнее учтены литературоведом связи произведения с предшествующими ему явлениями и фактами (как литературно-художественными, так и непосредственно жизненными), тем больше «выигрывают» анализ и интерпретация. Вместе с тем изучение контекстов литературного творчества – это необходимое условие проникновения в смысловые глубины произведений, одна из существенных предпосылок постижения как авторских концепций, так и первичных интуиций писателя» [5, с. 292], а это уже не только разговор на историко-литературном уровне, но и на уровне поэтики.

Концепция контекста получила дальнейшее продолжение в теории В.Е. Хализева. Он выдвинул, но не расшифровывал понятие «стимулирующих контекстов». Было бы целесообразным рассмотреть такой подход в литературоведческой практике и на уровне «Красного Колеса», но это уже другая задача.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубков М.М. Александр Солженицын: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. 2-е изд. М., 2001. С. 5.
2. Немзер А.С. «Красное Колесо» Александра Солженицына: Опыт прочтения. М., 2010.
3. Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1995. Т. 3. С. 258.
4. Труды и дни. Памяти В.Е. Хализева: сборник / под ред. О.А. Клинга, С.А. Мартыановой, О.В. Никандровой, Л.В. Чернец (отв. ред.). М.: МАКС Пресс, 2017. 448 с.
5. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999.

REFERENCES

1. Golubkov M.M. *Aleksandr Solzhenitsyn: V pomoshch' prepodavatelyam, starsheklassnikam i abiturientam* [Alexander Solzhenitsyn: To help teachers, pupils and students]. Moscow, 2001. pp. 5.
2. Nemzer A.S. «*Krasnoe Koleso*» Aleksandra Solzhenitsyna: *Opyt prochteniya* ["The red Wheel" by Alexander Solzhenitsyn: the Experience of interpretation]. Moscow, 2010.

3. Solzhenitsyn A.I. *Publitsistika* [Journalism]. Yaroslavl, Verkhne-Volzhsкое publishing house, 1995, vol. 3, pp. 258.
  4. Kling O.A, Mart'yanova S.A., Nikandrova O.V., ed.; Chernets L.V. chief ed. *Trudy i dni. Pamyati V.E. Khalizeva: sbornik* [Works and days. In memory of V. Khalizeva: a collection]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017. 448 p.
  5. Khalizev V.E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, 1999.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щедрина Нэля Михайловна – профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: schedrina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nellya M. Shchedrina – Professor at the Department of the Russian Literature, Moscow Region State University;
e-mail: schedrina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щедрина Н.М. Валентин Евгеньевич Хализев – теоретик, учитель-наставник // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 103-108
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-103-108

FOR CITATION

Shchedrina N.M. Valentin Evgenievich Khalizev – theoretician, teacher-mentor. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 103-108
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-103-108